

A romantic couple in a close embrace, nearly kissing. The man is wearing a white shirt and the woman is wearing a black dress. The background is dark.

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

Никогда

с тобой

Пелевина Катерина

Никогда с тобой

«Литнет»

2024

Катерина П.

Никогда с тобой / П. Катерина — «Литнет», 2024

Александр Яровой – мой кошмар наяву. Самый ненавистный человек на всём белом свете. Жалит как пчела, слепит как солнце, заставляет все нервные окончания воспламеняться. Я презираю его с самого первого класса. Когда он облил меня краской прямо на «Золотой осени». И чем взрослее мы становимся, тем ярче ненавидим друг друга... Но вдруг за этой ненавистью кроется что-то ещё?_____Ленка Доманская – чёртова зазнайка. Девочка-президент. Всего и сразу, разве что не страны. Но уверен, и это ненадолго. Слишком упрямая, излишне наглая и чересчур самонадеянная. Выскочка, заноза в заднице и вечная зубрилка. Что в ней есть такого, чего нет в других? Кажется, что как раз это я и хочу выяснить, раз за разом проверяя границы дозволенного...Книга о родителях Гордея Ярового (26 суток с тобой) Содержит нецензурную брань

© Катерина П., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	16
Глава 5.	18
Глава 6.	21
Глава 7.	24
Глава 8.	27
Глава 9.	32
Глава 10.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1.

От автора: Вливаемся в книгу о родителях Гордея) Лайки и комментарии приветствуются) А ещё дают автору волшебный пендель, чтобы писать быстрее)

Доманская Елена (Мелкая)

– Доманская!!!! – крик Ярового, как парализующий яд для меня. Застываю на месте и жду, какую хрень он выкинет на этот раз. Выглядит, как самый настоящий демон в человеческом облики. Наверняка так и есть. Потому что, если предположить, что его создал Господь, то можно окончательно разочароваться в этом мире.

– Чего тебе?!

– Нихрена, мисс всезнайка, лицо попроще, – нагло смотрит он, ухмыляясь. – Ты мне матешу должна.

– Шас, ага, видел? – спрашиваю, показывая ему средний палец, и ухожу, пока он тащится за мной и дёргает за рукав блузки. – Слушай, отвали по-хорошему. Иначе я тебе вмажу.

– Вмазывалка ещё не выросла. У меня мало времени, гони домашку, говорю, – цедит он, больно схватив меня за локоть, и я толкаю его от себя, упираюсь ладонями в грудную клетку.

– Пошёл ты! – чувствую, что мои ноздри раздуваются от злости. Если бы я могла, то давно бы поставила его на место, но он такой наглый, такой гадкий и противный, что, кажется, ни один мой поступок априори не способен его удивить. – Я скажу Андрею, и он тебя побьёт!

– Андрею скажешь, – смеётся он, чуть ли не хрюкая. – Ну, давай, мелкая. Говори. Посмотрим, кто кого ещё побьёт.

Андрей – мой парень. Мы начали встречаться этим летом. Одиннадцатый класс, семнадцать лет, и все стараются найти себе пару. Только вот я до конца не поняла, что чувствую к нему, однако он довольно мил и заботлив по отношению ко мне. Проявляет внимание. Мы вместе ходим в кино, сидим за одной партой. В принципе, если брать в расчёт, что все мы – одноклассники, то зря я так угрожаю. Ведь Андрей совершенно точно не сможет дать этому извергу отпор. Он слишком хороший для этого... Слишком правильный.

– Доманская, ты же пожалеешь. Я тебя поломаю, – кричит он мне вслед, и я оборачиваюсь.

– Смотри, чтобы я тебя не поломала, чёртв придурок! Садись за учебники, потому что вряд ли с твоими мозгами сможешь хоть чего-то добиться в этой жизни! – фыркаю в ответ и ухожу оттуда, но нутром чувствую, что это не всё. Я его жестокий взгляд кожей ощущаю. Ненавижу, когда он так смотрит. Да вообще его всего ненавижу.

– Привет, – здороваюсь с Андреем и улыбаюсь, краем глаза наблюдая, как Яровой садится сзади меня. Специально это делает. Что-то снова задумал. Как же он меня достал... Просто невероятно задолбал своими выходками.

– Привет, – Андрей протягивает шоколадку. Как всегда, мило с его стороны. И я тут же отодвигаю её на свою сторону стола, стеснительно убирая прядки волос за ухо. Наверное, я так кокетничаю, фиг знает. У меня это как-то от природы получается.

– Спасибо...

– Не за что. Готова к уроку?

– Да, вчера пол вечера занималась, а ты?

– Тоже.

Мы начинаем обсуждать пройденную тему, и я тем временем совсем забываю про Яра, который сидит сзади и недобро косится на нас. Какое мне до него дело? Вообще пофиг.

Что он может мне сделать?

Тяну руку в рюкзак и понимаю, что он пустой. В нём ничего нет, ни одной тетради, а учитель уже начинает урок. Шарюсь в нём и не могу понять. Я ведь точно складывала всё, я

не могла забыть. Поворачиваюсь и вижу его довольную рожу, он смотрит так, словно выиграл эту жизнь. Вот ведь конченная сволочь.

– Ах ты скотина... Верни мою тетрадь! – шепчу злобным шёпотом, пока он скрещивает руки на груди и рассматривает меня.

– Не понимаю, о чём ты, Доманская. Вообще ебанулась?

– Яровой... Живо верни тетрадь, я знаю, это ты взял! Я эту домашку половину вечера, блин, делала, верни!

– Лена Доманская, – прерывает меня учитель. – Будьте тише. Что у Вас случилось?

– Ничего, – смотрю в пол. Стукачей никто не любит, и я не хочу быть одной из них. Но осознание, что мне могут поставить двойку из-за этого кретина так сильно царапает все внутренности. Как же я его презираю. Хочу треснуть по голове.

И, пока Валентина Ивановна говорит сдавать тетради на проверку, я смотрю на Андрея и вздыхаю.

– Забыла тетрадь...

– Блин, это точно не он сделал? – спрашивает у меня Андрей, и я мотаю головой. Не хочу, чтобы он ввязывался. Будет только хуже.

– Давайте, сдаём активнее. Последний год, экзамены на носу, поступление. Имейте в виду поблажек не будет, – продолжает она нагнетать, и я у меня внутри разрастается буря. Я всегда так стараюсь по учёбе. Я – отличница. Для меня не сдать домашнее задание подобно удару молнии по голове. Мне это несвойственно и из-за этого я неприятно ёрзаю на стуле весь последующий урок.

Когда занятие кончается, я подхожу к учителю вся покрасневшая в расстроенных чувствах и смотрю несчастными глазами.

– Валентина Ивановна, извините, пожалуйста, я забыла тетрадь дома, но я готовилась, честно... Я могу принести завтра... Прошу Вас, дайте мне шанс...

– Лена, как же так... Ты ведь никогда не отличалась рассеянностью... – задумчиво говорит она и хмурится, поправляя очки. – Совет тебе – не стоит тебе сейчас думать о мальчиках. Я видела, что вы с Крюковым гуляете. Лучше займись учёбой, он дурно влияет на тебя, – заявляет она, и я смотрю на неё выпученными глазами. Он конечно не отличник, но и не заядлый двоечник, однако, спорить с ней я не решаюсь. Просто киваю. – Ладно, завтра на втором уроке мне принесёшь.

– Спасибо, спасибо! Огромное спасибо! – вылетаю оттуда в панике, настроившись на то, что придётся делать домашку заново, ладно хоть остались черновики, и Яровой подкрадывается внезапно, словно чёртов хищник. Вышагивает своей наглой плавной походкой, сложив руки в карманы, и идёт сзади меня по пятам.

– Андрюша дурно влияет на тебя, Доманская, – подло повторяет он её слова, и я замираю.

– Где моя тетрадь? – разворачиваюсь и смотрю на него озлобленным взглядом. – Яр, где она?

– В надёжном месте, – шепчет, ухмыляясь, и я смотрю на его рюкзак. Секунды не проходит, как мы начинаем драться. Я пытаюсь сдёрнуть его с мужского плеча и когда получается, он больно дёргает меня за волосы.

– Айййй... – чувствую, что глаза слезятся и на адреналине начинаю его колотить. Он конечно не отвечает. Он никогда не отвечал физически. Хотя думаю, что хотел. Мы ведь ругаемся с самого первого класса. Но вот этот его жест сильно меня задел, и как только мы с ним вступаем в режим боевой готовности, откуда не возьмись появляется Андрей и бьёт его рюкзаком по голове, подкравшись сзади.

О, боже.

У Ярового в мгновение башню срывает. Я буквально вижу, как он из обычного парня превращается в робота-убийцу.

– Пизда тебе, Андрюша, – не успеваю я пикнуть, как он одним ударом бьёт Андрея прямо в нос, а тот падает замертво на пол, пока я кричу и пытаюсь его оттащить.

– Оставь его, придурок! Оставь в покое, псих ненормальный! – пинаю его, пока остальные помогают Андрею встать, и Яровой замахивается снова, но я встаю между ними и жмурюсь. Сбитый окровавленный кулак замирает в трёх сантиметрах от моего лица. Моё сердце бьётся в агонии. Я распахиваю глаза и смотрю на него в ужасе. На его лице нет ни толики сожаления, одна скупая стальная злость. Мне кажется, я глохну, потому что в ушах гул, а стук моего мотора раздаётся в голове болезненными спазмами. – Не надо... Не трогай его... – шепчу уже на последнем издыхании. Ловлю его чёрные глаза своими. Трясусь. Покачиваюсь на месте, потому что ноги плохо держат.

Яр бросает последний прожигающий взгляд на Андрея, опуская при этом руку.

– Крюков, ты – крыса. Защитницы твоей не будет, я тебе физиономию подправлю. А ты... Доманская... – смотрит он на меня. – Ходи теперь и оглядывайся...

Глава 2.

Доманская Елена (Мелкая)

Можно ли ненавидеть кого-то всей душой, будучи ещё школьницей?

Это не просто странно, это ужасно невыносимо. Всю ночь я сижу и делаю чёртову домашку заново, однако ответ так и не сходится. Психую и нервничаю, скрипя зубами, и уснуть мне удаётся только под утро.

Естественно, я просыпаю. В школу прихожу растрепанная и сердитая. Ладно хоть удалось всё восстановить и ко второму уроку я уношу тетрадь Валентине Ивановне.

– Леночка, так я проверила, тетрадь твоя со всеми лежит в стопке. Зачем же переделывала, забыла, что сдала что ли?

Как жаль, что нельзя убить щелчком пальца. Я кожей ощущаю, как каждый волосок на теле встаёт дыбом. Я его ненавижу. Всей своей душой ненавижу. Так, что хочу оторвать ему голову.

– Да, я, видимо, не выспалась, – извиняюсь и пулей бегу на следующий урок. Как только вижу его в коридоре, иду на него словно таран.

– Ненавижу тебя, скотина! Я всю ночь из-за тебя не спала, козёл!!! – колочу его широкую спину, а он лениво разворачивается, изучая моё покрасневшее лицо.

– А, мелкая... – пренебрежительно цедит он, усмехаясь. – Чё надо?

– Сволочь... Ты... Я тебе такое сделаю. Такое...

– Доманская. Давай уже вали, пока я тебе чё-нибудь не сделал. Говорил же тетрадь твоя в надёжном месте. А Андрюша тебя уже заждался, – добавляет он, и я уже чувствую что-то неладное. Когда забегая в класс, вижу Андрея с распухшим носом, а в руках у него покромсанные кеды.

– Боже, что он сделал? – спрашиваю, присаживаясь рядом.

– Вот что... – показывает обувь, а мне выть хочется. Вот почему он такой придурок? Я тут же срываюсь с места, хотя Андрей окликает меня, но я иду обратно в коридор.

– Какой же ты кретин! Думаешь, если твои родители – богачи, то можно так обращаться с вещами, заработанными непосильным трудом?! Ты знаешь, сколько он работал летом, чтобы их купить?! – налетаю на него с кулаками, пока другие его дружки смотрят на нас и посвистывают, а Яровой перехватывает мои руки и смотрит волком.

– Доманская, рот закрой. Вообще не ебу о чём ты тут вещаешь. Иди, блядь, проспись. А то вон, небось всю ночь домашку делала по математике и кукуха у тебя съехала! – отталкивает он меня, но я не унимаюсь.

– Ненавижу тебя, будь ты проклят, Яровой! – нападаю снова, на что Яр уже рычит.

– Отошла, пока я тебе больно не сделал, мелкая! И про моих родителей не смей тут пиздеть нахуй!

– Какой же ты ужасный отвратительный человек... Когда-нибудь ты нарвёшься, Саша! И потом вспомнить, как подло со всеми поступал! – кричу ему, и вся умываюсь слезами, а у него на лице словно ни одной эмоции не проскальзывает. Грёбанный садист. Энергетический вампир!

Возвращаюсь обратно и сажусь рядом с Андреем, вытирая щёки.

– Зачем ты к нему ходила? Пошёл он. Пусть катится к чёрту, – говорит Андрей, приобняв меня. – Успокойся.

Пока я шмыгаю носом, стирая последние следы своей истерики, в класс входит Яровой со своей свитой балбесов и проходит мимо, опаяя меня своим уничижительным мажущим взглядом.

– Он думает, что главное звено в пищевой цепи. Считает себя здесь главным. Что ему всё можно... – мямлю себе под нос, пока Андрей сжимает моё плечо. – Я так устала от него и от его выкрутасов.

– Остался год. Потерпим. Поступим и всё закончится, – убеждает он меня, притягивая и целуя в макушку. Мы ещё ни разу по-настоящему не целовались. Пока что, я как-то намеренно избегаю этого мгновения. Не знаю даже почему.

– Угу, – мямлю себе под нос, поглядывая исподлобья на Ярового. Вот бы сделать ему что-то такое, что наконец заставит его задуматься о своём отвратительном поведении и отношении к другим.

С громким звонком у нас начинается урок, и я уже прихожу в нормальное состояние, сдавливая в себе испытанный стресс.

– Давайте быстро решим вопрос с дежурством и займёмся русским языком, – учительница начинает стучать по столу кулаком из-за галдежа. – Тихо! Тихо!

– А что решать? Пусть отличники и дежурят, они кайфуют от этого, – пренебрежительно выдаёт Яровой. – Да же, Доманская?

Я тут же оборачиваюсь и сверлю его взглядом.

– А я предлагаю Ярового. Он идеальный кандидат, Вера Степановна! – парирую в ответ.

– Да? Ну что ж. Доманская, Яровой, поздравляю. Довыкаблучивались. Вместе будете дежурить, – перебивает она, на что я растерянно хапаю воздух губами, но никак не могу вдохнуть. Боже, только не это. Я не хочу с ним.

Никогда... Никогда с ним не хочу!

– Подождите... Вера Степановна! – выпаливаю, но она уже пишет тему на доске.

– Зачем ты влезла? Теперь с этим кретином проведешь весь вечер... – хмурится Андрей.

– Ты останешься со мной? – вцепляюсь в его руку.

– Я бы остался. Только у матери сегодня юбилей. Ты забыла?

– Блин...

– Не обращай на него внимание. Игнорируй. Любую его выходку игнорь и ему надоест, – объясняет он, на что вздыхаю. Ему точно никогда не надоест... Потому что он – исчадие Ада.

До самого вечера я жду своего дежурства, как наказания. А нужно всего лишь понаблюдать за дискотекой, организованной для средних классов. Вот мы с Яровым и направляемся туда, правда разными путями. Мы и в десяти метрах друг от друга чувствуем себя некомфортно.

– Доманская, ты там стой, возле окна, а я здесь постою, – указывает он мне словно собаке.

– Тебя не спросила, где мне стоять! – скрещиваю руки на груди и морщусь на его слова.

– Команды будешь своим друзьям раздавать!

– Ой, всё, змеище, не начинай.

– Да пошёл ты!

– Сама иди! И не трогал я вещи твоего чухана. Делать мне нехуй, – заявляет он с пренебрежением.

– Так я тебе и поверила.

– Вообще похуй веришь ты или нет.

– Ну и заткнись тогда!

– Сама заткнись!

Яровой уходит, а у меня идет пар из ушей. Как же хочется ему настрелять.

Ненавижу!

Дежурство проходит скучно. За исключением пары раз, когда Яровой разнимает драку малолетних придурков и дважды отбирает у них сигареты. Он конечно сам их в итоге скурирует, но мне всё равно, лишь бы не они это делали.

– Мелкая, от тебя толку ноль. Ты ж нихера сделать даже не можешь, – выдаёт он под конец дискотеки.

– Зато могу на тебя пожаловаться. Так что развернись и пиздуй вон в ту сторону! – указываю к выходу, когда он сжимает челюсть в тиски.

– Где твой Андрюша? Давно бы забрал тебя отсюда. Или ты уже и его заебала?

– Хаха! – выдаю истерически. – Иди ты в жопу, урод!

– Это я-то урод? – спрашивает обнаглевшим голосом с таким гонором, что он стены в помещении распирает. – Я в этой школе самый нормальный поц, если кто-то здесь и урод, так это твой Крюков. Да и ты, Доманская, явно красотой не блещешь. Так что, сори, но я действительно пошёл, лишь бы рожи твоей страшной не видеть.

Он разворачивается, а я вижу бутылку с водой, стоящую на столе возле меня. Есть ли у меня остатки разума? Или от злости на него всё выдуло окончательно?

Ослепленная яростным чувством мести, хватаю бутылку, открываю её и одним рывком обливаю всю его спину, начиная с темноволосого затылка. Яровой тут же ёжится. А я...

Морщусь от того, что сделала и жду, когда он обернётся.

Карие глаза в секунду становятся чёрными.

Я и пикнуть не успеваю, как он хватается меня за руку и тащит в сторону уборной.

– Отпусти! Ты сам виноват! Отпусти! – сопротивляюсь, но он же как машина для убийств. От его грубой хватки у меня точно останется синяк. Едва успеваю хоть как-то отпрянуть, как он врубает кран и просто толкает мою голову под воду, а я визжу на весь мужской туалет.

Он отпускает, мы оба по уши мокрые. Я вся продрогла, потому что вода у нас мягко говоря ледяная. Меня трясёт, слёзы льются из глаз. А он смотрит на меня с ненавистью, готовый разорвать на кусочки.

Не понимаю, как в нём может быть столько всего плохого? Столько гонора и самолюбия? Ужасный озлобленный и жестокий.

– Я ненавижу тебя, – выпаливаю, вытирая щёки от воды и слёз.

– Взаимно, – цедит он в ответ. – Ещё раз выкинешь подобное, и я так добр уже не буду.

Добр? Добр? Это он вообще о себе?

– Кретин, – бросаю напоследок и убегаю оттуда прочь, наплевав на чёртово дежурство. Озябшими руками набрасываю на себя пальто и ухожу из школы полностью мокрая, продрогшая и униженная...

Глава 3.

Яровой Александр (Яр)

Дичайше бесаявая девчонка.

Просто до усрачки наглая, охреневшая, с выраженным чувством ебучей, никому не нужной справедливости.

Как же достало её поведение. Вычурная показушная чопорность, строгость, серьёзность. Словно ей за это платят.

Тогда какого чёрта носит эти стрёмные тряпки?

– Саша, сегодня отцу помощи, это не обсуждается! – прерывает поток моих мыслей маман.

– Не могу, меня дежурить назначили. Училка по русскому, честно, – сообщаю матери, на что она недоверчиво косится на меня. Ещё бы... Я ведь почти постоянно им вру.

– За какие такие заслуги? Опять отличился?!

– Что-то вроде того, – бурчу себе под нос. Хотя по факту нихрена я не делал. Просто у кое-кого рот не закрывается и ей лишь бы выделяться мне назло. Она просто филигранно играет на моих нервах, как на сраной виолончели.

– Ладно, я скажу тогда отцу, он Витю попросит. Хотя ты знаешь, как твой брат занят в университете и всё равно нас подводишь! – ругается она, заставив меня уставиться в одну точку. Ненавижу, когда и здесь начинается мозгоёбство.

Одно до потому.

Здесь Саша накуролесил, там...

– Ешь и езжай на своё дежурство.

– Ок.

Еду только потому что мне нужны нормальные оценки в аттестате, иначе отец три шкуры дерёт. А он обещал, что если я не буду его нервировать, то пригонит мне с Владика мустанг. За эту мечту я готов рвать и метать.

Поэтому, когда выскочка Доманская обливает меня водой на дискаче, я тащу её охладиться. А мог бы сделать что пострашнее. Мог бы так её унижить, что век бы ко мне не подходила.

Убегает вся в слезах, а я иду распусть весь этот балаган по домам и сдвинуть столы. Пытаюсь выкинуть из головы мысли о том, что вода обмочила всю её блузку, за которой прячутся совсем не детские формы, твою мать.

И меня дико это волнует.

Возможно когда-нибудь мы доведём друг друга настолько, что сорвёт стоп-кран, а пока оба держимся.

Лично я трансформирую поток ненависти к ней в сексуальное возбуждение. Она-то та ещё недотрога. Там ничем таким и не пахнет. Поэтому я даже не намекаю.

Не знаю, что уж они с этим её Крюковым делают, но он точно девственник.

С этими мыслями возвращаюсь домой в половину одиннадцатого. Мог бы пойти дальше шляться, но не захотел, хотя Маринка звала меня к себе. Это моя соседка, девчонка из параллели. Втюхана в меня уже года три, но я как-то пока присматриваюсь. Вроде и красивая, а вроде и что-то не то.

Может мне подавай эту жгучую ненависть, которую я вижу в глазах Мелкой?

Хрен знает...

Но одно я знаю точно, если полезет завтра снова, я не ограничусь водными процедурами...

– Приятно знать, что вы довели дежурство до конца, – заявляет с утра учительница, на что я довольно лыблюсь.

– Не за что, Вера Степановна, – отвечаю за нас двоих, потому что Доманская помалкивает. Свернулась в изогнутую трубочку и молчит. Обиделась что ли? Да насрать.

После русского идём на физру. Там, как и всегда, наблюдаю и ржу над тем, как её защитник пытается подтягиваться. Зато сам делаю это одной рукой на износ.

– Яровой, харэ красоваться. Марш со всеми три круга по манежу! – кричит физрук, отвлекаясь на разговор с кем-то, и я недовольно следую инструкции. Порой смотрю, как мелкая бегают или играет в волейбол. Красиво конечно двигается. И по мячу бьёт неплохо, учитывая даже тот факт, что больно уж она низкая. Но всё равно дико бесит. Вот как это работает???

– Девочки идут приседать, мальчики отжиматься. По нормативам. Мне нужно отлучиться. Яровой, прими зачёт!

Ох, я приму... Я с радостью приму, Алексей Дмитриевич. И у девчонок, и у этих лошпедов, что меня окружают.

– Крюков! – кричу и тяну лыбу, пока Филя и Конь стоят рядом и ржут над ним. – Давай, родненький, ты справишься. Упор лёжа принял. Живо.

Это чмо что-то пытается мямлить.

– Ща я тебе неуд впаяю. Или отжимайся, или признай, что ты ссыкло галимое, которое только в спину бить умеет.

– Отвали от него! – слышу сзади и прям-таки ушам своим не верю. Очнулась, любимая защитница.

– Ваше Величество, а мы Вас не ждали... Что такое, Доманская, снова охладиться желаешь? – интересуюсь, расплываясь в улыбке. Смотрю на неё и прям рад видеть.

– Ленка, покажи сиськи, – добавляет Филя, пока я сверлю её взглядом.

– Вы – конченные. Просто мудаки. Кроме колонии вас ничего не ждёт. А ты, Яровой, – нарочно выделяет она. – Всего лишь жалкий неуравновешенный неудачник! Будешь всю жизнь жить на папочкины деньги, а сам ничего так и не добьешься!

Не успевает она сказать это, как я подрываюсь, она вздрагивает, а Филя ржёт и обхватывает меня за грудки.

– Э-э-э, релакс. Она ж девчонка, Яр. Успокойся.

Девчонка... Девчонка, бля. Да я эту девчонку убить готов, до того я её ненавижу.

– За языком своим следи, мелочь, иначе в следующий раз пойдем мыть твой поганый рот с мылом. Поняла меня?! – выпаливаю я, глядя на неё. – А теперь живо приняла стойку и приседай, пока твоя жопа не начнёт гореть, сучка.

– Пошёл ты на хуй, – отвечает она и при всех показывает мне средний палец. Смотрит так пренебрежительно, что я сразу хочу нагнуть её и показать ей место. Какая же наглая сука.

– Ставлю тебе неуд, – беру я в руки журнал и ручку.

– Только попробуй, сволочь. Только рискни, – рычит она, а я уже вырисовываю в окошечке красивую двойку.

– Вот, полюбуйся, стерва, – показываю я ей своё творение, а она буквально закипает. Я вижу, как краснеют её щеки и как лопаются капилляры в её янтарных глазах.

Она разворачивается и уходит, сжимая кулаки.

– Не плачь только снова! – кричу ей вдогонку, пока пацаны ржут, а этот самый Андрюша её догоняет. И ведь ни слова, падла, поперёк не сказал, пока мы срались. Вообще никак за неё не заступился. Чё за пацан такой? В душе не ебу, как можно быть таким трусом.

– Ну чё встали-то? Сдаём, отжимаемся, приседаем. Не думаете же, что я просто так вам здесь всё поставлю, – смотрю на Филю и вспоминаю его выходку. Его, сука, наглую фразу, адресованную Доманской, и меня бомбит. – И тебя касается.

– Ты чё стебёшь меня?

– Я на шутника похож? В путь, трудяга!

– Вот ты падла, Яровой. В следующий раз я дам вам побить друг друга. Пусть тебя в ментовку упекут.

– Может и надо, – тяну лыбу в ответ, пока он отжимается. А сам сижу и смотрю на дверь.

До самого конца урока этих двоих так и нет. Когда препод приходит, я объясняю, что Доманская не выполнила норматив, за это отхватила, он конечно ругает меня. Она ж звезда. Ей нельзя ставить двойки, отличница, как никак. Но мне вообще пофиг на другие её заслуги. Я тут же иду в раздевалку, стаскиваю спортивную форму, а открывая кабинку, понимаю, что моих вещей нет. Ни рубашки, ни брюк, ни хрена.

– Вот ведь сучка... – цежу вслух, и Филя снова придушивается.

– Карма...

Я ей эту карму, блядь... В жопу засуну...

Выхожу из раздевалки злой, как сам Дьявол. Рыскаю по коридору в поисках этой сучки, а потом, блядь, натыкаюсь на уборщицу, которая вываливается из подсобки и ворчит, вынимая из ведра мои, сука, шмотки, замоченные в моющем средстве с белизной. Бля, я её убью. Ей конец. Или убью её парня. Кого-то из них двоих точно.

Прихожу на английский, и училка говорит, что Лена Доманская отпросилась, потому что плохо себя чувствует, а Крюков тупо не пришёл на занятия, но самое стрёмное, что и меня видеть не рады в таком виде.

– Яровой, это противоречит уставу гимназии. Переоденься в нормальные вещи. В спортивном нельзя, – повторяет учитель.

– Я не могу. Забыл дома, – нелепое оправдание, и конечно она не ведётся и выгоняет меня. А это очень хреново. У меня и так отношения с англичанкой не очень. Так ещё и прогул будет. Отец точно настреляет мне за это. Вот ведь гадина какая... Мало того, что подставила, так ещё и загасилась. Домой сбежала. Чёртова трусиха. К сожалению, точного её адреса я не знаю. Только улицу и дом. Не караулить же её там весь вечер. Хотя они наверняка ходят гулять с этим ушлёпком. И я могу отметить его за её выходы.

Пока обдумываю вопрос отщепенца дома, в комнату снова входит мама.

– Всё в порядке? Ты сегодня напряженный...

– Всё нормально, мам. Ты как?

– Отец поздно вернётся. Дела какие-то нарисовались... Ты ужинать идёшь?

– Поужинаю и прогуляюсь до Фили.

– Хорошо, но не долго, ладно? Не хочу снова нервничать и ждать тебя до утра.

– А ты не жди.

– Мы уже обсуждали. Исполнится восемнадцать, вали хоть на все четыре стороны, а сейчас... Тебе семнадцать. И я места себе не нахожу.

– Мам, – смеюсь я. – За два месяца ничего не изменится. Ты так же будешь волноваться...

– Не факт. Всё, иди ужинать... Потом поговорим.

Мамины заскоки конечно менее токсичнее, чем батины, но тоже нервируют.

Я уже не ребёнок, блин. Не только телом, но и башкой.

Но они оба не унимаются меня учить.

Поужинав, решаю всё же прогуляться по двору Доманской. Тем более, что живёт она не так уж далеко. Всего в трёх остановках от меня. И пока я, как придурок, наяриваю седьмой круг возле её дома, наконец, натыкаюсь на её испуганный обескураженный взгляд. Бинго!

Да только вот... Она не одна. С ней маленькая кудрявая деваха лет десяти, которую она прячет за свою спину.

– Не подходи, – цедит она, вызвав у меня недоумение. Я так и застываю в двух метрах от них, пока она строит из себя чёртову валькирию.

– Расслабься, Доманская, я по-твоему кто? Изверг какой-то?

- Именно он, – огрызается она, взяв девочку за руку. – Идём.
- Это кто? – спрашивает девочка, заинтересованно разглядывая меня.
- Один нехороший мальчик, – отвечает Ленка, злобно на меня зыркнув.
- Красивый, – добавляет маленькая, чем вынуждает меня заржать, а мелкую вспыхнуть.

Она тут же краснеет, злится, растерянно смотрит на неё и начинает тащить в сторону дома.

- Идём, Кристина, идём. Никакой он не красивый, – фыркает она, на что я кричу ей вслед:
- Мы с тобой завтра поговорим. Буду ждать тебя в школе, Доманская... Сладких снов.

Посмеиваюсь, когда они заходят в подъезд. Теперь точно знаю, который из них её. Скрипя сердцем, ухожу не отомстив и не высказав. Но не мог же я сделать это при ребёнке? Видимо, её сестре... Кстати, я не знал, что она в семье не одна.

Зато у меня будет вся ночь, чтобы придумать достойное наказание за её проступок.

К примеру, можно было бы затолкать в её роскошные каштановые волосы жвачку. Они у неё длинные, до самой поясницы, вот бы посмеялись вместе, когда она бы её обнаружила.

Но всё как-то избито... Банально... Хочется чего-то более изящного, что ли. Как тогда, когда я разместил их домашний номер телефона в объявлении о продаже машины по супер низкой цене. Им не просто не переставая звонили, Доманские вынуждены были отключить его с концами после этого.

Так что теперь я не могу занижать планку своей изобретательности. Мне хочется, чтобы она уловила масштаб того, какую бурю во мне вызвала. Сама ведь виновата, сучка.

Ранним утром иду в школу и вижу мисс всезнайки на своей любимой первой парте вместе с Крюковым. Сидит, гордо вздернув свой подбородок и прожигает меня взглядом, когда я прохожу мимо и в очередной раз сажусь чётко сзади неё.

– Как спалось, Доманская? Кошмары не мучили?

– Был один, – отвечает она язвительно. – О том, что ты стал нормальным человеком. Но нет, мне привиделось.

– Ммм... Так я всё же тебе снюсь, мелкая?

– Ещё чего, Яровой. Акстись! – выдаёт она, фыркая.

– Вещи мои зачем угандошила?

– А ты зачем мне двойку поставил?

– Ты отказывалась выполнять норматив и лезла не в своё дело, вот и получила.

– А давно ты стал преподавателем? Просто не совсем уловила этот момент. Когда и кто наделил тебя такими полномочиями?

– Физрук и наделил!

– Он сказал тебе принять норматив, а не расставлять оценки! Мне её исправили, чтоб ты знал. Алексей Дмитриевич сказал, что ты в край офигел.

– Не говорил он такого, – качаю я головой. – Не пизди, Доманская.

– Если даже и не говорил, то подумал. Всё, мне некогда на тебя отвлекаться, пора учиться. Хотя тебе неизвестно что это такое. Единственный предмет, который ты знаешь на ура – физра! Пусть так и остается.

– Попридержи язык, мелкая. Я сегодня плохо спал. Если будешь бесить и дальше, мы с тобой снова окажемся мокрыми и возможно голыми, – говорю ей, на что её Андрей тут же поворачивает свою голову к нам.

– Извращенец, – цедит Доманская, покраснев, и отворачивается, а я показываю Крюкову «фак».

Так и сижу сзади, рассматривая её спину, а когда она чуть откидывается назад, накручиваю на указательный палец её волосы. Возможно она что-то чувствует, но виду не подаёт, а мне, сука, нравится так делать. Безумно нравится.

– Запишите, – диктует учитель, Ленка подаётся вперёд и, видимо, ощущает болезненную вспышку на затылке.

– Ай! – вздрагивает она, оборачиваясь. – Яровой, я тебе сейчас ручку в руку воткну. Не смей меня трогать!

– Да кому ты нужна, Доманская. Страшилище ты неземное, не смотри лучше на меня, вон Андрюшей своим любуйся. Он от одного твоего вида готов в штаны кончить, – ржу я, на что тут же получаю от неё нехилый удар по голове. Тут же сжимаю кулаки и слышу, как на нас ругается учитель:

– А ну! Доманская, Яровой! Быстро пошли вон! К директору, немедленно! – рывкает она, указывая на дверь, а я уже думаю, что точно скоро убью эту выскочку...

Глава 4.

Доманская Елена (Мелкая)

Господи, если ты существуешь, молю... Сделай так, чтобы он исчез из моей школы раз и навсегда!

– От тебя, Елена, я такого не ожидала. Ладно, Яровой. Но зачем ты ведёшься на эти провокации? – отчитывает меня директор, и я вздыхаю. – У нас в гимназии запрещено рукоприкладство, тем более, посреди урока. Это неуважение к преподавателю.

– Извините... Прошу Вас не сообщайте родителям...

Яровой сидит рядом, вальяжно развалившись на стуле.

– А ты что смотришь?! – рявкает на него директриса. – Почему девочка должна за тебя краснеть?! Вижу ведь, что довёл её! Иначе бы она ни за что так себя не повела!

– Да она неуравновешенная, – цедит он, посмеиваясь.

– Тсссс! – продолжает она. – Попридержи язык, молодой человек! Твой отец будет точно недоволен тобой!

– Не надо ему докладывать, – нагло спорит он, на что я пинаю его ногой под столом, потому что вижу, что её это его поведение только сильнее распаляет. – Я в смысле. Пожалуйста, не надо.

– Придётся вам, мои дорогие, отработать, – говорит она и я тут же роняю голову на руки. Как же я от этого устала. Вздыхаю. – Какие-то проблемы, Лена?

– Нет, никаких, Зоя Артуровна.

– Чудесно. У нас есть музыкальный класс, знаете ведь... А там коморка, которую уже двадцать лет не разбирали, но там много всего. Уберетесь там до Нового года в наказание за свой проступок, и мы в расчёте...

Боже... Представляю какой там срач.

Кошусь на Ярового и хочу его придушить.

– Ну, что молчите? Что выбираете? – ехидно улыбается директор, глядя на нас.

– Согласны, – выдаём одновременно, а потом выходим вместе из её кабинета.

– Я так тебя ненавижу, – говорю я на выходе. – Знай, что я каждый день молюсь, чтобы ты исчез.

– Знай, что я не могу сказать того же, ведь в Бога я не верю, но чтобы ты исчезла я бы тоже мечтал, Доманская.

– Придурок! – кидаю напоследок и ухожу, но он дёргает меня за рукав. – Чего тебе?

– Когда начнём разгребать ту хрень? У меня сегодня тренировка, я не могу.

– Это мои проблемы? Одна я разгребать не буду. А до Нового года осталось всего ничего... Когда ты сможешь? – спрашиваю, отпрянув от него чуть дальше. – И не смотри так на меня, не стой так близко! Меня от тебя трясёт!

– Бля, какая ж ты зануда. Ты не просто бесишь меня... Доманская, я буквально порой боюсь не сдержаться.

– Ой, и не вздумай пугать меня! Тоже мне кухонный боксёр нашёлся, – скрещиваю руки на груди. – Завтра нет у тебя тренировки?

– Нет, но завтра, нахер, суббота!

– И что? Придём, возьмём ключ, быстрее справимся – быстрее освободимся! – чеканю, глядя в его чёрные, как бездна, глаза. – Всё, я пошла на урок. И держись от моих волос подальше.

– Может ты их уже в хвост соберёшь или косу, блядь, заплетёшь, чтобы они не болтались туда-сюда. Что ты как растяпа какая-то?! – выдаёт он, и я снова разворачиваюсь и бью его ладонью по грудной клетке.

– Заткнись, заткнись!!! – колочу его, а он обхватывает мои запястья и не позволяет мне шелохнуться, встряхивая на месте болезненным рывком.

– Не девочка ты, а оборванка, Доманская, – шепчет он, заставив меня насупиться. Хочу плюнуть ему в лицо, но боюсь, что ударит...

Он точно в этот раз ударит. Я ему ни капли не доверяю.

И от обиды у меня слезятся глаза. Яр всё смотрит, изучая реакцию. Он всегда так странно себя ведёт. Словно ему доставляет удовольствие причинять мне боль. Тогда, выходит, он обычный садист.

– Ну не реви ты, золотце, – усмехается он, находясь в десяти сантиметрах от моего лица. Я даже чувствую его дыхание. И это так странно. От него пахнет фруктовой жвачкой. До дрожи ей пахнет. – Вали в класс, пока я добрый. Завтра встретимся в восемь. И привет сестре передавай. – издевательски заявляет он, развернувшись, и уходит в сторону фойе, и меня отпускает только тогда, когда я вижу, что он исчез из зоны видимости.

Как мы будем убирать эту чёртову коморку, если там не развернуться, а меня от него за километр тошнит?

Чёрт, поскорее бы всё это закончилось...

Я возвращаюсь вечером домой, а Кристина сидит на диване с довольным лицом и ест упаковку «Рафаэлло», обнимая в руках дорогушую куклу.

– Это что ещё такое? Мама купила?

Я удивлена, потому что обычно она не берёт ей такие подарки. Она делает домашние торты и очень-очень редко. Нас в семье двое, но даже так денег не хватает, потому что отец бросил нас три года назад. Для меня это до сих пор болезненная тема. Я стараюсь не говорить об этом.

– Нет, мальчик подарил, – заявляет она, вызвав у меня растерянность.

– Мальчик... Скажи ему, что такие подарки не делают. Это дорого, Кристина. Это же... – беру у неё куклу. Рассматриваю её. Она, блин, брендовая. – Крис... Что ещё за мальчик?

– Ну... Тот плохой красивый мальчик, – заявляет она, заставив моё сердце в груди болезненно ныть. Я в секунду покрываюсь иголками, глядя на эти подарки.

– Что?! – морщусь я в агонии, сжимая чёртовой кукле башку, и тут же вырываю эти конфеты у неё из рук. – Сколько ты съела? Крис, тебе не дурно? Не плохо? Они не были вскрыты до этого?

– Нет!!! – кричит она, когда я разжимаю её руки. – Мне больно! Ленка!

– Извини... Извини, мы должны их выбросить, слышишь... – я тут же тащу упаковку к мусоропроводу, несмотря на истерики младшей сестры. Выхожу в подъезд и выбрасываю туда их без каких-либо колебаний.

– Зачем ты так?! – ревёт она, и её щеки все краснеют. Не знаю от слёз ли, либо эта сволочь что-то подмешала в конфеты. Я вот ничуть бы не удивилась.

Особенно после его этого:

«Привет сестре».

Чёртов ублюдок.

– Ты точно нормально, Кристина?

– Ненавижу тебя! – кричит она мне и убегает в дом, а я стою в подъезде и думаю.

Вот прекрасно... Спасибо огромное тебе, Яровой...

Я тебе эту куклу завтра засуну в жопу! Мало не покажется!

Глава 5.

Александр Яровой (Яр)

Утро субботы будит меня своими отвратными лучами. Ненавижу. Время на часах уже перевалило за восемь. Я проспал. Мы с зубрилкой договаривались прийти к восьми. Ну и хрен с ним.

Я не нанимался за бесплатно драить помещения.

Когда приезжаю в школу к десяти, она уже там. Недовольная и сама таскает какие-то тяжести из коморки, пока я наблюдаю за этим со стороны.

– Что, Яровой? Женщин жалко? – подтрунивает она, сдувая с лица выбившиеся локоны своих волос.

– Ты – не женщина. Всего лишь противная пигалица, – улыбаюсь я, скрещивая на груди руки. Она ставит огромный граммофон на парту и идёт к своему рюкзаку. Минуту копошится, а потом вынимает оттуда переданный мной её младшей сестре подарок.

– Вот, подавись. Нам от тебя ничего не нужно. Деньги за конфеты верну тебе позже, – с высокомерием заявляет она, сунув мне к груди куклу. Но я не стремлюсь её брать, и она нервно кладёт ту на парту.

– Ей вроде понравилось, – отвечаю я, приподняв брови. – Что же... Отобрала у неё?

– Тебе какое дело? Это моя сестра, не твоя! – выпаливает сучка, уходя в коморку, и исчезает там минуты на три точно, и только после этого я иду за ней.

– Хрена ты такая противная? Чё взялась на меня? Чё я тебе сделал?

– Что ты мне сделал?! – выдаёт она, сверля меня взглядом. – Знаешь, Яровой... Если собрать всё, что ты сделал... Мне и тетради отдельной не хватит. И вдобавок из-за тебя я разругалась с сестрой! Сегодня она даже не поздоровалась со мной!

– Потому что нехуй было отбирать у ребёнка подарки. Хотя я так и знал, и сделал это специально. Потому что ты конченная.

– Вот ты сволочь... Какая же ты скотина, Яр.

Она встаёт на носочки и тянется до верхней полки, чтобы снять оттуда какую-то трубу, и в итоге чуть ли не падает вместе со шкафом, но я успеваю перехватить её вместе с этой хренью в руках.

– Балда, – цежу, удерживая перед собой. Стоим и подвисаем на лицах друг друга, как два придурка.

Какие странные у неё всё-таки глаза. Будто золота в них налили.

– Отпусти! – отталкивается она, отряхиваясь от меня.

– Я вообще-то тебе жизнь спас, – выдаю, глядя на неё с укором.

– Ну, я тебя не просила.

– Вот прилетела бы тебе эта труба на башку, я бы на тебя посмотрел.

– Это саксофон, дурень!

– Ммм... Как интересно звучит из твоих уст, Доманская... Повтори, – издеваюсь я, очевидно желая ещё раз услышать сочетание букв «секс», но она тут же вспыхивает, заливаясь румянцем, и отворачивается, недовольно бурча себе под нос какие-то заклинания.

А я следую за ней.

– Ты вообще будешь что-то делать? Мало того, что приехал к десяти, так ещё и ни одной вещи не вынес оттуда!

– Мне нравится за тобой наблюдать. Такой кайф ловлю, честно, Мелкая...

– Хватит меня так называть! У меня нормальный рост!

– Нормальный? Нормальный, – я подхожу к ней и провожу рукой сверху её маленькой головы, указывая себе в район ключицы. – Нормальный. Угу.

– Это ты дылдыря!

– Ну, конечно, – хохочу я, усаживаясь на парту, и она встаёт прямо передо мной, изменившись в гримасе.

– Саша, я не шучу. Я не буду одна это делать. Если ты продолжишь в том же духе, я просто нажалуюсь Зое Артуровне, и всё, – встаёт она в позу, прожигая меня сердитым взглядом.

– А по сопатке не боишься за это получить, Доманская?

– А ты не боишься сесть за свои вечные драки и побои?

– Не-а. Не боюсь. Иногда людей надо учить. В частности, тебя. Ты же наглая оборзевшая мелочь... – смотрю на неё ехидным взглядом, а она даже не начинает меня колотить в ответ.

– Лааааадно, помогу.

Иду туда и начинаю выносить разного рода старьё.

– Бля... Все шмотки себе уделаю, – отряхиваюсь я, передёрнувшись.

– А ты совсем придурок на уборку новё своё брендовое одевать?

– То-то ты припёрлась как обдергайка... А... Хотя, подождите... Ты всегда так выглядишь, – язвлю я, и на этот раз она шлёпает меня по затылку. – Ещё раз так сделаешь, Доманская...

– И что? Что же будет, Яровой? Снова намочишь меня водой или поставишь двойку в журнал? – скрещивает она на груди свои тонкие ручонки. Так бы и схватил... Так бы и...

Блядь. Лучше не думать в ту сторону.

Потому что её чёртовы сочные губы меня нездорово привлекают. Да ещё и цвет этих глаз.

Хрен знает, что нужно сделать, чтобы она вот так возбудилась, как я. Тупо из-за злости я воспаляюсь. Двойное ощущение.

Ненавижу её. За это грёбанное влияние, что она на меня оказывает.

– Могу сделать что-то и похуже... Только боюсь, что ты убежишь отсюда в истерике, – ухмыляюсь я, на что выскочка с высокомерием цокает.

– Ха! Я тебя не боюсь, Яровой. Тоже мне, напугал кошку салом! – заявляет она, притопнув ногой, а я резко подаюсь вперёд и силой утрамбовываю её задницу на парту, оказавшись прямо между ног. Паника на её лице достигает критических масштабов.

– Кошку говоришь...

– Что... Что ты делаешь... Господи... Что ты делаешь, – частит она, задыхаясь, пока я зависаю в сантиметре от её лица и провокационно дышу прямо в её рот. – Отпусти меня, живо, отпусти! Не трогай меня! – её ладошки упираются в мои плечи, а я продолжаю издеваться, удерживая её перед собой руками на бёдрах. Карие глаза начинают слезиться, щеки краснеют.

Ну точно, недотрога... Бедняга Крюков, до старости будет беречь её целку.

Она, похоже, и не целовалась ни разу?

Когда её реакция достигает предельной точки, я чуть отстраняюсь, а она спрыгивает с парты и просто как ураган бежит из кабинета, снося всё на своём пути, и я кричу ей вслед:

– Я же предупреждал, что ты убежишь отсюда в истерике! Теперь принимай, Доманская! – хохочу во весь голос, когда она исчезает за дверью.

Но вот проблема. В штанах при этом контакте всё задубело.

И как находиться с ней рядом, если тело вот так предательски реагирует?

Разгребаю коморку полчаса... Сорок минут, а её всё нет. Хрен знает, чего она так испугалась?

Перегнул? Так сама ж виновата. Не верила, теперь пусть получает.

И всё же, психованно отбросив в сторону какой-то совдеповский шлак, я пиздую в коридор искать эту дурынду. Сразу приходит на ум, что она ревет в туалете. Что, собственно, недалеко от правды. Она рыдает возле него, и как только видит меня, тут же отворачивается.

– Чё ноешь-то? – спрашиваю, но она не отвечает. – Да ладно, не буду я тебя больше трогать. Идём...

В ответ всё то же молчание и игнор.

– Бля... Пиздец ты конечно монашка. Чё я сделал-то такого?

– Отъебись, Яровой. Не смей ко мне подходить отныне. Даже на два метра!

– Пфффф, – ржу себе под нос. – Нужна ты мне, Лена-полено. Пиздуй давай помогать.

Разворачиваюсь и ухожу оттуда, а внутри прям-таки неприятно саднит. Она должна, блядь, кипятком писаться от меня, как другие девки, но почему-то не писается. И это меня нехило подбешивает.

Все дальнейшие три часа мы почти молча разгребаем эту сраную кладовку. Она будто язык проглотила, а я не собираюсь перед ней пресмыкаться. Ну, коснулся разок бёдер. Ну подышал на неё. И чё, блядь, теперь?

Стоить из себя непорочную деву.

Треть мы всё же убираем и, пока она идёт мыть руки, я снова заталкиваю эту сраную куклу в её рюкзак. Мне-то она нахрена?

Если честно, мне просто жаль стало девчонку. Как увидел, так и что-то ёкнуло в груди. В каких-то старых шмотках, блеклая. Небось и подарков-то нормальных никогда не делали. Вот и решил просто порадовать...

Ну и заодно, как гондон, перехватив деваху в школе, узнал у неё номер их квартиры...

Вдруг...

На всякий случай...

– Ладно, я закрою тут, – говорю ей, когда она забрасывает рюкзак на плечо и надевает шапку. Всё ещё не смотрит в глаза. Боится. – И тебе до встречи! – бросаю в спину, но она уже уходит из кабинета.

Ебал я всю эту хуйню. Сегодня же пойду свожу Маринку в кино и завалю её, чтобы не думать об этой святоше.

Глава 6.

Доманская Елена (Мелкая)

Господи, надеюсь, он сгорит в Аду, ненавижу!

Меня не касался ни один парень до него.

Что он вообще себе позволяет? Как можно быть таким неуправляемым, таким мерзким и отвратительным?

Сколько я ещё должна вытерпеть прежде чем мы наконец разъедемся по разным университетам!?

– Лен, ты поможешь мне с тестом? – мама заходит в комнату, когда я переодеваюсь. – Давно порвался? – спрашивает у меня о моём бюстгальтере, который я, наверное, уже раз пять зашивала. Но я не сержусь на неё, я сержусь на обстоятельства и на отца. Но никак не на неё.

– Да, ерунда, – отмахиваюсь. – Маленький же шов. Не видно.

– Ты прости меня, дочка.

– Мам... Не надо... Прошу тебя, – прижимаюсь к ней и хмурюсь, когда она всхлипывает. – Мам... Всё хорошо.

– Так обидно, что я не могу дать вам лучшее... Так невыносимо, – я глажу её по спине и самой тошно. Мне жаль, что всё так вышло. Отец просто слинял и перестал присылать деньги, да ещё и оставил ни с чем, вынудив из дома последнее. А мама платит огромный кредит за него.

– Всё будет хорошо, мам... Мы справимся. А с тестом я сейчас помогу. Ты иди. Я вот-вот приду. Кристина тоже?

– Она что-то сидит надутая в комнате... На меня, наверное, сердится...

Вздыхаю. Знаю я на кого она сердится, но вырастет – поймёт меня и мои опасения. От Ярового ничего хорошего не жди. Да и вообще принимать такие подарки от посторонних – моветон.

Мама уходит, а я рассматриваю себя в зеркало. Едва вспомню, как он прижал меня к парте, всё тело покрывается мурашками. Нет, ну каков всё-таки подлец. Ненавижу.

А эти глаза... Жестокие, способные пронести тебя до адской пропасти. Ужасные. С чёрными как смоль ресницами. Иногда я даже не вижу у него зрачков. С темнотой его взгляда они сливаются с радужками.

Пока по телу бежит дрожь, тут же переодеваюсь в домашнее и иду помогать маме делать тесто на пирожки.

Так и готовим, а завтра я планирую снова пойти разгрести ту коморку. Даже если он не придёт. Так будет лучше. Быстрее закончу и освобожусь от этой каторги.

Около восьми вечера раздаётся звонок в дверь и я, вымыв руки, иду открывать.

– Андрей... Ты как здесь? Что-то случилось? – спрашиваю, оглядываясь.

– Привет. Хотел погулять тебя позвать... Выйдешь?

– Ты проходи. Сейчас у мамы спрошу, – когда он заходит, в прихожую как раз выходит мама.

– Здравствуй, Андрюш. А мы пирожков напекли, может зайдёшь? – спрашивает она, вытирая о фартук мокрые руки.

– Здравствуйте. Да я не голодный, Надежда Владимировна, хотел позвать Лену прогуляться.

– Мам, можно?

– Можно. Недолго, – говорит она, улыбаясь мне, и я тут же радостно бегу в комнату. Не знаю, чему я так рада. Не хотелось торчать дома.

А моя лучшая подруга Даша в прошлом году переехала в другой город и теперь мы общаемся переписками.

Быстро собираюсь и набрасываю на себя куртку, шапку и сапоги, потому что на улице достаточно холодно. Андрей ждёт меня, а из комнаты вдруг выглядывает Кристина.

– Кристина... Ну иди сюда, – зову я её. – Не обижайся на меня.

Сестрёнка выходит и обиженно смотрит в пол, пока я прижимаю её к себе.

– Вы куда?

– Просто пройтись... – отвечаю, щёлкнув её по носу. – Хочешь потом на каток вместе сходим, когда зальют во дворе...

– Угу, хочу, – мямлит она, поднимая взгляд на Андрея. А потом тянется ко мне и шепчет на ухо. – Тот мальчик мне больше нравится.

Наверное, от стыда я чуть не валюсь с ног. Надеюсь, Андрей этого не расслышал.

– Тишшш... Кристина, иди к себе! – гоню я её, глядя в спину. Боюсь даже смотреть Андрею в глаза после этого, но когда сталкиваюсь с ним взглядами, понимаю, что пронесло. Он не слышал и ведёт себя как обычно. – Идём?

– Да, идём, – улыбается он, помогая мне выйти из квартиры. Его нос выглядит уже более-менее. Было просто ужасно.

– Чем сегодня занималась?

– Да ничем таким, – я не стала говорить ему про уборку с Яровым. Не хотела, чтобы он нервничал и ввязывался. В конце концов это всего на пару-тройку дней. И всё закончится. – Помогала маме... Убиралась... А ты?

– А я просто гулял с парнями, помогал маме тоже, – говорит он, спрыгивая с лесенок. – А... Ну ещё делал доклад по географии.

– Блин, – выдаю, нахмурившись. – Я что-то... Совсем уже...

– Лен, ты даёшь... Ну, завтра ещё целый день.

– Ты прав... Да, ты прав... Забегалась сегодня, – ухожу от темы, и мы выходим из подъезда.

На улице идёт снег, и мы даже успеваем поиграть в снежки, бегая по стадиону.

– Твой отец... Он так и не объявлялся?

– Нет... По правде говоря, я не хочу говорить об этом, – отвечаю с грустью. – Дело не в тебе... Не обижайся.

– Да нет, извини. Я не обиделся.

– Хорошо...

– У тебя снежинки прямо на ресницах, – говорит он, чуть подавшись вперёд, а меня словно током от него шарахает.

– Эм... Да... – стряхиваю с глаз снег и держусь на расстоянии, неловко пошатываясь на месте, пока вдруг не слышу знакомый смех со стороны.

– О, задроты вышли на прогулку, – выдаёт Яровой, когда идёт за руку с какой-то девушкой. Я тут же всматриваюсь и понимаю, что это Марина Шахова.

Ну, конечно, кто же ещё. Самая красивая девочка нашей школы.

– Что тебе нужно? – спрашиваю я, пока она смотрит на меня с осуждением. Что-то вроде «Да как ты посмела открыть при мне свой рот». – Иди куда шёл.

Андрей тут же опускает голову, а Яровой замирает метрах в четырёх от нас.

– И как можно быть таким ссыклом, Крюков? Сколько бы я не дробил вас, ты вечно жмёшься, будто не при делах. Пока твоя девчонка за тебя отдувается, – выдаёт Яр, а я хватаю Андрея за руку.

– Сам ты ссыкло, – выдаёт он, стискивая челюсть.

– Прекрати. Андрей, пошли отсюда, – зову его и уже тяну в сторону, пока Марина в недоумении смотрит на Ярового.

Зачем останавливаться и тратить на нас время, если проводишь время с самой красивой девушкой? Чего тебе не хватает?

– Доманская, ну куда же ты, свет очей моих, побежала?! Завтра встретимся, а-то ты мне утром так и не ответила! – кричит он, на что Андрей смотрит на меня в недоумении.

– О чём он?

– Ни о чём. Пошли, – тяну его дальше.

– Ну, куда ты, ёбаный чмошник, – не успеваем мы уйти, как Яр толкает его в спину.

– Боже, перестань! – кричу на него, прикрывая собой Андрея и резко толкаю Яра в грудь.
– Чего ты хочешь, Саша?! Вон твоя девушка! Ждёт тебя! Неужели ты настолько не удовлетворён жизнью, что готов тратить своё время докапываясь до других!? Кто тебя так обидел?! Отстань от нас! Я сама уберу чёртову подсобку, не лезь к нам! Не подходи больше! Живи своей прекрасной богатой жизнью и просто отвали!!!

– Хрена себе тебя задело, Ленусик. Ты чё так напряглась-то? Из-за нашей случайной близости? Так ты не бойся...Ты меня не цепляешь. Смотреть не на что, ты же как чучело. Смотри вон на Маринку, какими девчонки должны быть. Может для себя что уяснишь, прежде, чем варежку открывать! – кричит он в ответ, и я ударяю его по щеке. Так сильно ударяю, что рука болит. А у него краснеет вся левая часть лица.

Я же реву белугой и, наплевав на Андрея, убегаю оттуда прочь, словно слова Ярового действительно имеют на меня какое-то влияние. Словно они реально меня задевают.

Сама не знаю, почему...

Глава 7.

Александр Яровой (Яр)

Нахрена я так сказал? Зачем вообще пристал? Хз.

Ответа у меня нет, лишь только ярое желание выбить Крюкову все мозги у неё на глазах. Верить, что это ревность, отказываюсь. Потому что, кроме как ненависти, к Доманской ничего не испытываю.

– Яр. Ну идём же, – жалуется Маринка, дёргая меня за рукав, пока я смотрю вслед убегающей Ленке.

– Чё встал-то, иди проводи свою барышню, не дойдёт ещё, – кидаю я этому придурку, пока он хлопает своими коровьими глазами. – Ау, блядь, Крюков, очнись!

У него вид такой, будто он обоссался от страха. Реально.

И лишь через минуту он отвисает и бежит за ней, пока я качаю головой.

– Как бесит меня, – цежу сквозь зубы, пока Маринка переминается с ноги на ногу.

– Холодно, Саш, идём.

– Так ты нашла в чём зимой выйти! В капронках, блин! – если честно, меня прям удивляет вот эта бабская непредусмотрительность.

Доманская же при этом шляется, укутанная в три слоя, словно ей реально похрен, что и кто о ней подумает. В частности, я.

– Красиво же... Сам сказал... – улыбается она, и я хмурюсь.

Сказал только для того, чтобы выбесить святошу и только. Явно не для того, чтобы её выставить умнее или лучше кого-то... Хотя мне пофиг.

И на то, что она замёрзнет тоже как-то побоку. Её же выбор.

– Ты говорила, у тебя предки свалили...

– Свалили, да... Вот и зову тебя уже полчаса, но ты так занят разборками с этими недотёпами, что не обращаешь внимания.

– Да ты чё, малыш, пошутила что ли? – я тут же притягиваю её и мну сочную задницу через юбку, залезая под пуховик.

– Яр, ну не здесь же! Дурак!

– Пошли быстрее, – тяну её, словно обезумевший. Но самое отвратительное, что встал у меня до того, как я её потрогал... Встал у меня на высокомерную выскочку, которая снова не постеснялась высказать мне всё, что обо мне думает. Пиздец проблема... Хотя с собой её бери и проси кричать на меня во время секса с другой... Бля... Жесть какая.

Я не так давно начал жить взрослой жизнью, но вместе с тем, я уже чувствую себя профессионалом в этом деле. Хз как работает.

У меня было три девчонки и все они были чуть старше, поопытнее.

Поэтому, когда мы с Маринкой оказываемся у неё дома наедине, я тут же раздеваю её, по пути в комнату. Она нетерпеливо стонет в моё ухо, напоминая мне чёртову чайку и это раздражает.

Пока лижемся она хоть не издаёт эти звуки, поэтому отчаянно пытаюсь заткнуть её рот своим языком и опустить веки, и меня пиздец трясёт оттого, что когда я так делаю, у меня перед глазами возникает Ленкино заплаканное лицо.

Недовольно съёжившись, пытаюсь выгнать из башки навязчивый образ, а Маринка тянет к себе.

И когда между нами всё случается, я в ужасе понимаю, что она отдала мне свою целку, блин...

Чё за нахер вообще?

Кто так делает?!

Зачем это всё... Теперь ощущаю себя извергом. Знал бы – не прикоснулся. Одно дело делать это с кем-то опытным, потому что вы оба хотите, другое – забирать то единственное, что девчонки обычно отдают в отношениях.

Кое-как завершаю процесс. Хотел, но получилось еле-еле. То ли из-за того, что она обманула, то ли она в целом меня не влечёт. Или что вообще происходит, не знаю.

Сползаю с неё и тут же начинаю одеваться.

– Тебе понравилось? – спрашивает, а у меня испарина по всей спине. Я злюсь на неё, но ещё сильнее на себя. Ведь говорили ведь мне парни, чтобы держался от неё подальше, потому что у неё хватка мёртвая. Так нет же... Я дурак, как всегда... А ещё обиднее, что будто назло Доманской всё это сделал.

Настолько она влияет на меня? Серьёзно? Что за гон вообще и как это объяснить?

– Ты зачем мне спиздела? – рычу в ответ, и она хмурится.

– Не хотела, чтобы ты думал, что я проблемная, – шелестит она, а у меня все волоски на теле дыбятся.

– Зато теперь я конечно же думаю иначе, – набрасываю на себя свою толстовку и тут же спешу к двери, пока она бежит за мной.

– Яр...ну, подожди... Яр... – догоняет она меня в дверях, накинув на себя какой-то халат. – Прости... Я не думала, что ты так обидишься из-за этого. Я ведь ждала тебя три года. Я тебя люблю, понимаешь?

На этих словах меня и вовсе парализует. Я знал, не спорю, но, блядь...

Вот так глаза в глаза. Это слишком.

Она же мне выбора не оставляет. И так нельзя просто. Это днище.

– Ээээ... Марин... Я... В общем, я пошёл. Ты классная, реально, красивая... Но...

– Но тебе нравится та лохушка Доманская? – спрашивает она, перебив и вынуждая меня выплюнуть весь воздух из лёгких. От возмущения мои щёки становятся красными. Я весь горю. А может тому виной и не возмущение вовсе. Может, это просто палево, а? Она меня спалила? Прижучила, блин?

– Пха! – заржав, чуть пошатываюсь на месте. – Чего, блин?!

– Ну а как?! Что это, блин, вообще было там?! – встаёт она в позу, а я округляю глаза.

– То, что я наезжаю на кого-то вовсе не говорит о том, что мне они нравятся. И уж тем более не Мелкая, – смотрю на неё, открывая дверь. – Но мне нахер не надо, чтобы мне читали нотации. Родаков хватает. Так что, сорян, Шахова...

Бросаю ей взмах рукой и ухожу оттуда, пока она сверлит меня взглядом.

Я знаю, что поступил не как джентльмен. Но, блядь... Пиздеть о таком – это слишком. А теперь я будто нехотя забрал её невинность.

Замечательно... Она типа меня так привязать хотела?

Я никому никуя не должен. Мне, сука, семнадцать, я хочу пробовать, а не макать член в одну дырку всю свою оставшуюся жизнь, радуясь этому как седьмому чуду света.

Нахуй...

Злой и раздраженный возвращаюсь домой. Курю третью сигарету и не хочу заходить.

Как же дико всё меня бесит.

В частности, Доманская. Особенно Доманская!

Подхожу к крыльцу и вижу ту самую куклу, прищипанную мебельным степлером прямо к толстому тополю.

Господи, ну и жуть. Она просто намертво прихерачила её сюда вместе с какой-то бумажкой.

Достаю записку и разворачиваю, читая:

«Если ещё раз подойдёшь ко мне или к моей сестре на этом дереве будешь висеть ты сам!».

Читаю это и ржу. Просто улыбаюсь как придурок. Да она ж, блядь, сумасшедшая...

Прям конченная.

И мне это, блядь, отчего-то нравится.

Глава 8.

Доманская Елена (Мелкая)

К дому подбегаю в расстроенных чувствах. Меня трясёт и руки не слушаются, но внезапно я слышу клич Андрея за своей спиной.

– Лен! – он нагоняет и застывает передо мной, пока я придерживаю подъездную дверь. – Почему ты не сказала за отработку? Я растерялся там. Потому что... Не ожидал от него это услышать.

– Я не хотела тебя тревожить. Это вообще ничего не значит...

– Так же, как и его слова о тебе. Я ведь вижу, что он это специально. Ты очень красивая, Лен. Не слушай его, прошу тебя, – говорит Андрей, а я чувствую, что холод на щеках усиливается. Порыв ветра хлещет прямо по невысохшим слезам.

– Спасибо, Андрей, но я пойду.

– Ладно... Не обижайся на меня. И рассказывай мне всё. Ладно? Давай я помогу убрать подсобку... Завтра?

– Завтра я не смогу. Географию не сделала, – шмыгаю я носом. – Давай в понедельник поговорим...

– Хорошо.

Андрей уходит, а я забегаю в дом, хватаю степлер, ту сраную куклу, что нашла в рюкзаке снова после уроков, и несмотря на все вопросы мамы убегаю в сторону дома Ярового.

Пришпандоривая её к дереву, думаю о том, как его ненавижу и хочу, чтобы на месте этой куклы был он сам.

Чёртов придурок.

Домой возвращаюсь, хоть немного выдохнув.

Мечтаю, чтобы понедельник не наступал, чтобы никогда его больше не видеть...

– Итак, класс, поговорим насчёт поездки в Питер, активнее, – предлагает Вера Степановна. Она ведь по совместительству и наш классный руководитель.

Вряд ли я наскребу денег поехать туда, поэтому просто не обращаю внимания. Вообще я сегодня очень тихая. Стараюсь лишний раз не показываться. Хотя та самая Марина, проходя мимо меня в школьном буфете чуть не ужалила меня своим ядовитым взглядом. Я уже думала, что придётся давать словестный отпор, но она, слава Богу, промолчала.

– Ты не против если я поеду? – спрашивает Андрей, на что я впадаю в ступор.

– А почему я должна быть против?

– Ну... Ты ведь говоришь, что может не получиться... Вдруг обидишься, что у меня получается.

– Нет, Андрей, мне всё равно, – отвечаю я. – Езжай конечно, если хочешь. Что за глупости.

Сажу за партой и чувствую давление пальца на своём позвонке. Знаю, что Яр снова нагло сел сзади меня и просто подаюсь вперед, полностью оперевшись на парту. Не хочу даже обращаться к нему, не хочу спорить. Ничего не хочу.

Проклятие. Да я даже видеть его не хочу. А слышать тем более.

– А сопровождающим кто будет? – спрашивает он, словно это имеет для него какое-то значение, он один хрен поедет. Это же лишний повод подурить и поприставать к Маринке. А она точно поедет. Хотя им и так, наверное, есть где встречаться.

О, боже о чём я только думаю?

Мне вообще пофиг, где они там встречаются и что делают, лишь бы меня не трогали.

Как только звенит звонок, я тут же забрасываю учебник в рюкзак и вылетаю из кабинета, но этот придурок тащится за мной.

– Поедешь в Питер? – спрашивает, на что я смотрю на него, будто увидела привидение.

– Тебе какое нахрен дело?!

– Просто спросил, Доманская, – отвечает он, и я ухожу, но он всё не унимается. – Когда будем разгребать подсобку? Сегодня?

– Нет, я не могу, – лгу на ходу, потому что собираюсь разобрать её сама. А может даже и с Андреем.

Наплевав на его последующие вопросы, иду в кабинет химии и готовлюсь к уроку, пока вдруг этот псих не садится рядом со мной.

– Яровой, – цежу я сквозь зубы, и Андрей застывает в дверях, глядя на то, что он занял его место. – Уйди отсюда.

– Не-а, – отвечает он, раскладывая на парту тетрадь и ручку. Я удивлена, что он вообще носит с собой хоть что-то. Обычно он просто просит у кого-то из класса.

– Я сейчас нажалуюсь Александру Валерьевичу.

– Жалуйся, я просто хочу лучше усвоить материал, – заявляет он, глядя на Андрея, что завис возле парты. – Ну чё встал, иди назад, Алёшенька.

– Прекрати его обзывать, – рявкаю я на Ярового. – Сколько можно всех унижать? Думаешь, лучше других? Так иди к Марине, создайте идеальную ячейку общества и размножайтесь, пока не заполоните всю планету лучшими людьми.

– Нихрена ты ревнуешь, Доманская.

– О, боже, – вздыхаю я, закатывая глаза. – За что мне это? – я роняю голову на свои руки, а он смеётся.

– Лучшие люди будут размножаться тогда, когда я этого захочу.

– Не подавись своим самомнением, ок?

– А если серьёзно... Ты едешь в Питер?

– Нет, Яровой, отстань, – отворачиваюсь я, съезжая на край парты и наконец звучит звонок, а с ним резко входит и наш химик. Классный молодой мужчина, который знает о химии буквально всё и постоянно проводит с нами какие-нибудь интересные эксперименты.

– Ну что? Вдарим по зелёному огню? – предлагает он с порога, и мы начинаем смеяться.

– Вдарим, Александр Валерьевич! – согласно кричат все, и я тоже поддакиваю, улыбаясь.

– О, Яровой, не ожидал от тебя такого рвения к учёбе, – заявляет учитель. – Похвально.

– Решил подтянуться, – оправдывается Яр. Жук, блин. Неужели люди ему верят? По нему же сразу видно, что он бездельник.

– Значит, будем вместе проводить опыт, первая парта... – обращается он к нам, взяв с собой склянки и чашечку.

– А он мне нравится, – шепчет мне Яровой. – Плохого человека Саней не назовут.

В ответ на это я с отвращением морщусь.

Придурок, блин.

– Ещё как назовут. Тебя же назвали, – парирую в ответ, но он только противно лыбится. И снова так близко ко мне, что меня начинает трясти. Плечом к плечу, а этот запах фруктовой жвачки обездвигивает. И раздражает.

– Итак, ребят. Значит, берём 1 грамм борной кислоты и высыпаем его в фарфоровую чашечку. У вас на столах есть по одной штуке. Делаем всё крайне аккуратно и в перчатках. Далее заливаем 10 мл спирта... – диктует он, на что задние парты начинают ржать. В частности, те самые дружки Ярового. Филя и Конь.

– Да у нас хоть литр, Александр Валерьевич!

– Аккуратнее, шутники, блин. Выполняем! – осекает он их, глядя на полученную смесь.
– И сюда же ровно 1 мл серной кислоты. Перемешиваем стеклянной палочкой иииии... – он подносит зажигалку к мисочке. – Поджигаем.

Полученная смесь начинает гореть зелёным пламенем. Так красиво. Я впервые улыбаюсь, даже несмотря на то, что Яр сидит рядом. Но, как только вижу, что и он улыбается, при чём рассматривая меня, тут же отворачиваюсь.

– Так происходит «Зелёный огонь». Сложный эфир, что получается в результате смешения борной кислоты с этиловым спиртом... Можно создать разный огонь... Любого цвета. Но именно борная кислота даёт зелёный цвет. Записываем формулу...

Он тянется к доске, а мы переписываем всё в свои тетради. Он реально знает свой предмет и пользуется уважением. Даже у таких балбесов, как Яр.

Когда я выхожу с урока, Андрей со мной не разговаривает. Я пытаюсь одёрнуть его за руку, но он обижается и уходит.

– Ой... Доманская... Похоже, что твой дрищ наконец уяснил, что он тут лишний, – звучит сзади грубое, и я хмурюсь.

– Почему это лишний? Кто это сказал? А кто не лишний? Ты? – нападаю с расспросами, и Яр молча рассматривает меня в коридоре, когда на него наваливаются его дружки.

– Где вчера был, боец...

– Да нигде...

– Маринку драл, я в курсе, – ржёт Конев, и я тут же ухожу оттуда, не желая слушать подобного рода треп.

Извращенцы. Такие молодые, а разговоров то... Кто, куда, сколько. Фу.

До самого конца занятий Андрей сидит и молчит, отчего я делаю вывод, что помогать с подсобкой мне никто не собирается.

– Ты обиделся? Я же не хотела с ним сидеть, – шепчу ему на математике, а он смотрит на меня словно реально считает меня предательницей.

– Не хотела и поэтому улыбалась ему, как мне даже никогда не улыбаешься.

– Что? Что за глупости, Андрей?! Я улыбалась химику и эксперименту. Вообще не в таком ключе! Блин! Что ты надумал?! – выпаливаю я и понимаю, что делаю это очень-очень громко. Все пялятся на меня, Яровой ржёт, и я выбегаю из кабинета, наплевав на то, что урок начнётся через две минуты.

Позорно стою в коридоре и жду учителя. А когда она приходит, стыдливо следую за ней.

– Лена, что такое? Что-то случилось?

– Нет, я просто с Вами зайду, – отвечаю я, а потом сажусь за парту, стараясь ни на кого не смотреть.

– Извини, – шепчет Андрей. – Просто меня он бесит. И то, как часто вы общаетесь.

– Это не общение вовсе.

– Ну. Он так не считает. Более того, кажется, уверен, что нравится тебе.

– Что?! Фу, Андрей! Какая мерзость. Да я скорее пойду на помойке жить, чем он мне понравится! – выдаю обиженно, на что он хохочет и чуть приобнимает меня за плечо.

– Ну всё, извини. Я помогу с уборкой сегодня.

– Хорошо.

После уроков мы реально следуем в музыкальный класс. А когда заходим, я понимаю, что там уже почти всё убрано. Осталось только максимум помыть полы.

– Как это... Что... Видимо, Зоя Артуровна ещё кого-то наказала, – задумавшись, говорю я. – Чтобы быстрее убрали... Нам же лучше. Сейчас быстренько помою полы и всё.

– Я ведро наберу пока, – говорит Андрей и идёт в сторону уборных, пока я выношу оттуда вещи, что стоят на полу, чтобы помыть и под ними.

– Ты же говорила, что не можешь сегодня, – звучит сзади голос Ярового, на что я вздрагиваю.

– Планы изменились и вообще. Ты свободен, я сама всё доделаю. Радуйся.

– Доманская, не могу же я оставить такое важное дело... Бросить его на хрупкие плечи девчонки, вроде тебя, какого ты обо мне мнения? – цедит он, сбрасывая с плеча рюкзак. И я встаю в позу.

– Саша, мне будет помогать Андрей. Уходи отсюда, – настаиваю я, на что он смеётся.

– Тем более, как я могу позволить этому чушку работать за меня? Это же неправильно. Такая справедливая и чуткая защитница как ты должна это понимать, – издевательски произносит он, подкрадываясь ко мне, но я отхожу от него назад, упираясь спиной в стену. – Да не бойся ты. Не трону. Не в моём вкусе, говорил уже.

Я смотрю на него и ничего не понимаю. Всё внутри покрывается иголками. Хочется кричать, но осознаю, что без толку... Ничего не изменится.

– Что тебе от меня нужно? – вздыхаю я, выстроив брови домиком. Чувствую в голосе своё отчаяние. – Сколько можно, Яр?

– Сколько нужно, Доманская, – отвечает он своей абракадаброй, и я смотрю ему за плечо, увидев, как Андрей застыл на пороге с ведром.

– Вали отсюда, Крюков, – заявляет он надменно, лишь слегка повернув голову. – Пока я тебе в табло не прописал.

– Я никуда не уйду и буду помогать Лене убираться, – ставит он ведро посередине класса, на что Яр медленно и хищно к нему оборачивается.

– Ты хуёво слышишь? Я могу и это подправить. По губам научишься читать, – грубо угрожает он, на что я просто сжимаюсь возле двери в коморку. Я ведь понимаю, к чему всё это снова ведёт.

Мне уже осточертело быть свидетелем его драк.

– Значит, так, – бурчу я себе под нос. – Или ты уходишь прямо сейчас, Яровой, или я иду к директору. Считаю меня стукачкой, кем угодно. Мне плевать. Но видеть тебя здесь я не хочу.

– Доманская, – нагло встречается он, снова развернувшись ко мне. – С чего ты вообще взяла, что меня ебут твои желания?

Я тут же пододвигаюсь к нему ближе. Кое-как расправляю плечи, потому что кажется, что вся перед ним дрожу. Даже несмотря на то, что Андрей в трёх метрах от нас.

– Мои желания тебя ебут. Ещё как ебут, Саша. Иначе ты бы не стал дарить моей сестре ту куклу и конфеты. Иначе ты бы не таскался за мной как хвост, не убирал бы коморку в моё отсутствие и уж точно не спрашивал бы меня поеду ли я в Питер, – выдаю я озлобленно. Хоть и не знаю, правда ли всё это. Но хочу надавить, как могу. Грудная клетка вздымается, а он смотрит на меня так, словно ненавидит, и при этом сжимает свои кулаки. Затем делает выпад вперёд, отчего я вздрагиваю, а он тем временем склоняется к моему уху.

– Я просто поспорил, что завалю тебя. Но, по правде говоря, мелкая святоша, меня от тебя просто тошнит, – шепчет он, рассматривая мою реакцию. Не знаю, что я чувствую, но это не боль. Я и не думала, что за его поступками скрыто что-то хорошее. Конечно нет. Ни на секунду не сомневалась, просто обижает факт того, что он вообще думал, что я поведусь на это. – Впрочем, за отсутствием кого-либо другого под боком, я бы тебя трахнул. Если тебя это утешит.

Едва он произносит это, как Андрей со всего размаху захлёстывает его спину ведром ледяной воды, попадая и в меня тоже. И меня всю скручивает из-за этого прямо перед ним, как черепаху, которая забивается в свой панцирь.

– Крюков, ты – труп! – Яр разворачивается, но я хватаю его за мокрую рубашку и не даю уйти, пока Андрей реально убегает из кабинета.

– Стой...Стой, успокойся. Не надо. Не убивай его...Прошу тебя не убивай, – я начинаю рыдать, обхватив облепившую его тело белую ткань настолько, что вижу каждую его мышцу. Чёрт, он выглядит как скала. Он точно его убьёт. Сама не знаю, что на меня такое находит. Я просто истошно реву, пока мы с ним оба мокрые стоим посреди музыкального класса. Наверное, я так сильно боюсь за Андрея. Наверное, это так. Иначе как объяснить мою такую реакцию?

Дрожь стремительно окутывает всё тело, пока Яр вдруг не оборачивается. Злой как сам Дьявол. И совершенно неожиданно для меня, он обнимает.

Обнимает меня...

А я забываю, как дышать, чувствуя тепло его тела...

Глава 9.

Александр Яровой (Яр)

Чёрт... Она дрожит и так близко, будто приклеенная ко мне.

Мы дышим шумно и натужно, еле сдерживаем скопившееся внутри напряжение. Ткань её блузки пропиталась водой от моей рубашки. Это ощущается так остро, что моё тело предаёт меня. Не могу пошевелиться. Стою камнем и прижимаю к себе Мелкую. Хрен его знает, что при этом чувствую.

Что-то запредельное и до одури запретное. Полномасштабный взрыв, техногенная катастрофа...

У меня сердце в груди совершает какие-то трюки, из-за которых кровь бурлит и носится по организму, как одержимая. Я всегда был дурным, но рядом с Доманской ощущаю себя абсолютным психом.

– Блин... Извини, – она выдыхает и тут же, отпрянув назад, прикрывается руками. Потому что вся промокла и тело реагирует соответствующе.

Хотя я, сука, весь горю.

Нет, полыхаю! Как на костре инквизиции, блядь.

– Как же теперь домой идти, – тархтит она, нахмутив брови, и я дёргаю её за руку.

– Идём.

– Куда? – тормозит она всеми силами, но я не щаю, сильнее потянув за собой.

– Доманская, не беси, идём, – тащу её в сторону спортзала. Там в раздевалках есть спортивные шмотки. Что-то должно ей подойти, даже несмотря на то, что она от горшка два вершка.

Достаю ей треники и футболку, а сам начинаю переодеваться прямо при ней, отчего она растерянно тархтит глаза, а потом резко разворачивается ко мне спиной. Голых парней-то, небось, ни разу не видела...

А у меня есть на что посмотреть...

– Блин, мог бы подождать! – выпаливает, пытаюсь нащупать дверь закрытыми глазами. Всё ещё жмурится, как дурочка, хотя уже отвернулась.

– Левее, малыш, – шепчу ей язвительно, и она убегает в женскую раздевалку, протаранив собой дверной косяк.

Я же выхожу и жду её, сложив руки в карманы.

Она выбредает, держа свои мокрые вещи, и несёт их в сторону кабинета. Идём молча. Она даже не смотрит на меня, а сразу как мы заходим, достаёт пакет из рюкзака и убирает мокрую одежду туда.

– Слушай... Спасибо, что дал вещи. И что не стал трогать Андрея. Не знаю, что на него нашло...

– Зато я знаю, – выпаливаю я в ответ. Сучоныш просто заревновал, когда речь зашла за её целку. Как будто ему в принципе что-то светит, грёбанный кретин. – Но я это сделал не для тебя и не за благодарность. Просто руки марать не хотелось.

– Ты можешь идти. Я сейчас здесь уберу воду и тоже пойду домой...

– Нет уж, помогу убрать, – перебиваю и начинаю поднимать стулья на парты. А Ленка берёт сухую тряпку и швабру, начиная собирать воду. Похоже, что пока нас не было говноед Крюков забрал свой рюкзак. Потому что я его больше не наблюдаю. Бля, какой же трус, а. – Ответь мне на один вопрос, – задаю я, даже не дождавшись её реплики. – Как ты можешь общаться с таким чуханом?

– Мы не общаемся, он – мой парень... – выдаёт она. Чем вынуждает меня заржать.

– Что для вас обоих значит – общаться. Ведь вы даже в дёсна не долбитесь. Нихера не делаете, чё я слепой что ли, – выдаю самоуверенно, на что она цокает.

– То, что мы не делаем это в школе, у всех на виду, как некоторые. Не значит, что мы не делаем этого никогда, – выдаёт она, а мне внезапно хочется её убить. Я даже стул громче положенного поднимаю.

– Не пизди, Доманская. А то прямо шас засосу, – говорю ей, и она вспыхивает.

– Слушай, прекрати так себя вести! Иди да сосись со своей красавицей, тебя здесь никто не держит! – повышает она на меня голос, а сама покраснела, словно её кипятком облили. Ух ты...

Как ты оказывается умеешь, Мелкая...

Она выжимает тряпку, а я, блядь, как замороженный смотрю на её торчащие соски под тонкой тканью спортивной формы.

Нахрена лифчик-то сняла...? Пиздец...

– И пойду сосаться. Вот шас уберу здесь всё и пойду, – отвечаю, на что она помалкивает, продолжив собирать воду. А я так и изучаю её, поправляя свой стояк в штанах. – Чё в Питер то не едешь?

– А сам как думаешь? Очевидно же.

– Из-за того, что еду я? – спрашиваю, и она изгибает бровь.

– Боже, Яровой. Ты точно бредишь, если считаешь, что оказываешь такое влияние на мою жизнь. Нет, не поэтому, – язвит она, глядя на меня своими жестокими янтарями.

– А что же тогда? У родителей не хватит бабла, чтобы избавиться от тебя? – выдаю и начинаю ржать, но она обдаёт таким ледяным взглядом, что вокруг как по щелчку пальца всё леденеет. Это просто охуеть!

– Не трогай моих родителей, – грубо отвечает она.

– То есть, только тебе можно трогать моих?

– Никого я не трогаю. И тебя тоже. И то, что мы... То, что сейчас было не говорит о перемиири. Я просто перенервничала... Просто...

– А что сейчас было? – изгибаю я бровь, намерено издеваясь над ней.

– Ничего, ты прав... Ничего не было.

– Ааааа... – протягиваю я с усмешкой. – Ты про тот позорный момент, когда ты обняла меня, прижалась ко мне... Всем своим телом, – смотрю я на неё, а та замирает, глядя на дверь. Вся краснеет и начинает трястись.

– Андрей... Андрей, подожди, – она бросает тряпку и бежит за ним, а тот убегает прочь, как в самых сопливых фильмах делают девчонки. Нет, я не могу смотреть на это...

Как вот ему не въебать, если он сам напрашивается?

– Я ненавижу тебя, – выпаливает она мне вся в слезах, зависая в дверях, и всё ещё смотрит ему вслед. – Проваливай отсюда, Яр!

– С превеликим удовольствием, а то меня уже подзаебала эта драматичность, дорогуша, – я слезаю со стола и хватаю рюкзак. Подхожу к ней в упор и склоняюсь к уху. – Доманская... – шепчу, вынуждая её испуганно отпрянуть назад и взглянуть мне в глаза. – У тебя соски на меня стоят. Сладких снов. – бросаю вслед и ухожу оттуда, пока она пытит от возмущения за моей спиной...

Глава 10.

Доманская Елена (Мелкая)

– Это от холода, я замёрзла, придурок! – воплю ему вслед, слушая его противный смех. Ненавижу его... Блин, как же сильно ненавижу!

Что я теперь скажу Андрею?

Зачем я позволила себе эту слабость? Можно ведь было просто обхватить его и не дать побежать за ним. Как-то остановить...

Дура, Лена, ты дура!

Вернувшись в комнату, доделываю всё и смотрю на свою грудь. Вот сейчас она, как назло, выглядит совершенно спокойно. Ничего не торчит и не позорит меня, вынуждая краснеть! Аааааа!!! Бесит!

Возьми себя в руки, ты – тряпка!

Домой уйду в расстроенных чувствах. Всё ещё не знаю, как буду оправдываться перед Андреем. Он ведь всё слышал, и я действительно обнимала Яра. Точнее, прижималась к нему. Это он обнимал.

Боже, я – позорище!

Плюхаюсь на кровать и сканирую потолок, когда в комнату заходит мама.

– Ты сегодня поздно и вещи какие-то... Странные...

– Да, я испачкала свои, пока убирала помещение. Пришлось переодеться в одежду Андрея.

– А, понятно, – выдаёт мама. – Ужинать хочешь?

– Хочу, сейчас приду, – отвечаю и, когда она уходит, достаю пакет из рюкзака, направившись в ванную, чтобы замочить их и потом засунуть в стирку.

А затем со спокойной душой следую на кухню, где сидит и Кристина.

Мы садимся есть, и я почти молча поглощаю ужин. Кристина же ковыряется в тарелке и вообще не спешит есть. Она у нас малоежка. Любит сладкое, но обычную еду – не заставишь.

– Всё хорошо, Лен? Ты грустная...

– Нет, всё прекрасно, – отвечаю, еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться и не рассказать маме, как ненавижу Сашу и как я ненарочно обидела Андрея. Но это был бы стыд и позор. Про Питер даже не заикаюсь, знаю, что денег нет, зато встревает Кристина.

– Вера Степановна сказала, что старшеклассники едут в Питер на зимние праздники...

Неловкая тишина длится около двух минут.

– Почему не сказала, Лен? – спрашивает мама.

– Я не... Я не знаю. Зачем?

– Может я попробую... Как-то перезанять...

Я хмурюсь и кладу руку на её.

– Мам. Прекрати, прошу тебя... Это неправильно. Никогда я так не поступлю. Знаю ведь как ты крутишься, чтобы прокормить нас. Нет. Никакой Питер мне не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.